

Отзывы

Литературный редактор книги, Полина Щербинина

Изумительный роман взросления, окрашенный неоновой любовью к молодым и потерянным, ищущим себя во мраке людских ожиданий, и культуре Таиланда — стране величественных высоток, экзотической еды и веры в перерождение. Главный герой сперва покажется холодным и недосягаемым, но вскоре вы поймете — он просто мечущийся ребенок, который прячется в душе каждого из нас.

Книжный блогер anaswon

Это не просто история о любви. Это история взаимоотношений между поколениями, которые не могут найти компромисс для принятий общих решений. Именно это и мешает двигаться дальше, однако благодаря одному человеку — появляется шанс на примирение. Один человек может показать разным людям то, чего они боялись или не принимали. Это история о сильных чувствах которую расскажут нам Мин и Лайт.

Книжный блогер alena_alexenko

«Координата поврежденности» напоминает вихрь, в котором любовь, преодоление и надежда движутся против часовой стрелки. С помощью персонажей и важных тем, вплетенных в сюжет, автор ведет диалог с читателем и как будто бы раскрывает собственную душу. Эта история не про стеснение и рамки, она про борьбу и чувства, в которых мы утопаем ежедневно. Возможно, Вас будет штормить. Возможно, Вам будет больно. Возможно, Вы исцелитесь.

Но в одном я уверена точно: Вы не останетесь равнодушными.

Книжный блогер kotaru.books

Это история дружбы и любви, начавшаяся с неприязни и взаимного недоверия. Вас ждут искренние чувства, много драмы и колоритный Бангкок как место действия.

Книжный блогер lina.storyteller

Если вы далеки от лакорнов так же, как и я, сначала будет непривычно, ведь действия книги происходят в Таиланде. Но это не стало проблемой. Мне, наоборот, было интересно погрузиться в атмосферу новой страны. События не перестают развиваться, персонажи постоянно взаимодействуют между собой. Некоторые моменты отображались в голове так ярко, будто смотришь эпичный, при этом интересный и глубокий фильм. Закрыв последнюю страницу, я ощутила спокойствие. Так бывает, когда книга будто понимает тебя, преподносит тебе нужные мысли и слова, тем самым успокаивая.

Книжный блогер rommybooks

Невероятный спектр: от азиатского колорита и динамики до обнажающего и болезненного психологизма. Как итог — сильный роман, который перевернет ваши представления о поиске себя. И, возможно, даже даст ответы на то, что зарыто в глубине души.

Книжный блогер monstrum.somnia

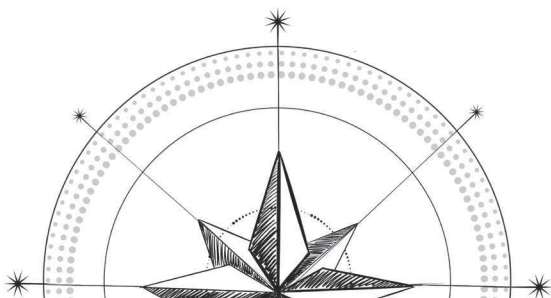
Ничего более эмоционально сильного я давно не читала. История, которая задела все живое, что могла. Эта книга как пульсирующее сердце. Все в ней болит и пытается жить. Несмотря на то, что происходит. Это не любовный роман, это книга взросления, принятия и стремления. Она обо всем, что каждый из нас хотел бы обсудить, но боялся. Потому что каждый из нас хотя бы немного, но поломан. Внутри каждого из нас живет демон, который грызет. Здесь вы найдете понимание и поддержку. Верьте в лучшее. Боритесь.

Фрэнсис Кель, автор цикла «Песнь Сорокопуга»

Заверяю вас: эта история совсем не о любви. Все намного глубже. С каждой главой вы погружаетесь в пучину отчаяния вместе с Мином. Он бежит от своего Прошлого, Настоящего и еще яростнее от своего Будущего. Он тонет в ненависти к окружающему миру, пока не сталкивается с тем, кто является олицетворением всего, чего Мин всю жизнь избегал. Это история о сломленных людях, которые не оставляют попыток задать правильную систему координат. Эта история о нас с вами.

If lonely is a taste then it's all that I'm tasting
(NF — Can You Hold Me)¹

¹ Если у одиночества есть вкус, то это все, что я чувствую. (англ.)

1 глава

У каждого есть свое место в жизни, свои координаты. Некая точка пересечения. Но никому не известно, какая именно встреча и с кем перевернет всю жизнь. Возможно, вы даже не раз сталкивались, однако не придавали этому никакого значения. Потому что и не искали то самое значение. А Мин двигался по текучей реке действительности вслепую, будучи зрячим. Свои координаты он давно потерял.

В один из бесконечной череды дней он спустился со второго этажа перекусить, прежде чем отправиться в университет. С трудом верилось, что оставалось всего несколько месяцев до окончания учебы. Он не чувствовал разницу между собой восемнадцатилетним и теперешней версией — двадцатитрехлетним юношей.

По правде говоря, Мин ненавидел приближение своего выпуска. Ибо знал, что отец, оставивший его в покое на время учебы, возьмется за старое и вновь будет поучать как жить. Мин не сразу осознал, в чем минусы быть единственным наследником семейного состояния. Раньше он с наслаждением не познавшего денежных проблем ребенка видел лишь вседозволенность и бесконечность границ. Но оказалось — за этим

лежит ответственность. Ноша, которую и рад бы скинуть, но не на кого. Может, когда-нибудь он и будет готов нести это бремя, но точно не сейчас.

— Как спалось?

На кухне его привычно встретила экономка Нун. Мина с ней связывали куда более доверительные отношения, чем с отцом. Она работала здесь, сколько он себя помнил.

— Как обычно мало. — Мин протер заспанные глаза.

В этом была лишь его вина. Он часто возвращался домой за несколько часов до рассвета и досыпал на парах, куда ходил скорее по инерции. Мин не пошел по стопам отца и не поступил на медицинский факультет. Ему было ненавистно все, что связано с больницами и любой перспективой оказаться вблизи дуновения смерти.

Мин под напором обстоятельств уступил: согласился на экономический — единственную альтернативу, которая хоть и не до конца, но устраивала и его, и отца. Учеба давалась легко, от него не требовалось огромных усилий и времени, поэтому после пар он мог позволить себе развлекаться, что постепенно превратилось в некий ритуал.

— Твои мешки под глазами скоро дойдут до рта, — пожаловалась экономка. — И как сын доктора может так пренебрежительно относиться к своему здоровью?

В этом замечании проследивалась вся его жизнь. «Сын доктора» — титул, ставший проклятием. Его отец был не просто рядовым хирургом, а главой одной из самых крупных больничных сетей и исследовательских центров Таиланда «VN Medicine». Учреждений, поглощающих тысячи людей и миллионы бат¹. Они поглотили даже его мать и уже наступали на пятки самому Мину, готовые сожрать и его жизнь.

Но он — не его родители.

¹ Бат — национальная валюта Таиланда.

Мин хотел, чтобы его оставили в покое. Может, не беги он от грядущего, сейчас бы знал, чего хочет от него. Однако слишком рано понял — ему никогда не получить желаемое. Его реальность — это азотный вакуум невольных поступков, хрупкий кислород обещаний и аргоновые бесцветные обязательства, в которых теряется диоксидный углерод надежд.

— Спасибо за сок, — проигнорировав последний комментарий Нун и бьющую по вискам мигрень, Мин выпил содержимое стакана, схватил бутерброд и выскочил из дома.

За рулем он по привычке включил музыку, служившую ему отдушиной. Всю свою жизнь Мин провел в окружении, далеком от таких непрактичных вещей, как искусство. Но, как ни странно, обнаружил в себе тягу к творчеству, и родился он в другой семье, то, возможно, сейчас оканчивал бы факультет искусств, музыки или режиссуры. Хотя диплом экономиста и деньги отца могли позволить ему владеть любым учреждением этих направленностей. Правда, не творить там, а лишь руководить.

Утренний Бангкок напоминал муравейник. Пробки порождали ощущение бессмысленности. Поначалу Мин раздражался, но затем привык. И теперь пробки находились в самом низу длинного перечня вещей, с которыми ему приходилось мириться.

Он без опоздания заехал на парковку и направился к своему корпусу. Студенты в одинаковой форме — белых рубашках и черных брюках или юбках — ожидали начала занятий. По одному внешнему виду нельзя было понять, кто из них будущий юрист, актер, лингвист или международник.

Глубоко в душе Мину нравился такой порядок вещей. Все одинаковые — никто не измеряется количеством денег в кармане. Нет, он не мечтал стать нищим, и все же хотел, чтобы не богатство становилось решающим фактором для большинства. Люди, едва узнав, из какой он семьи, сразу меняли свое поведение — начинали льстить или завидовать.

Его самого деньги не трогали, может, потому что они всегда у него были. Он придавал им не большее значение, чем другие — родительской заботе.

Мин умел наслаждаться преимуществами своего положения. Он пользовался вниманием девушек, общался с несколькими «счастливыми», которых, как и его, приговорили к будущему, распланированному за них. В их компании Мин испытывал некое подобие чувства родства. Впрочем, сторонился чрезмерных дружеских связей, придавленный ценностью внушительного банковского счета. Слишком близко подпускал единиц, с остальными же держался не то чтобы холодно, а равнодушно.

В толпе студентов показался одноклассник Бест — один из немногих, кому Мин позволил приблизиться к себе максимально близко. В отличие от него, Бест действительно интересовался выбранной специальностью и знал, чего хочет от жизни, не обладая при этом его возможностями. Может, поэтому он с Бестом и общался.

Приятно было видеть рядом с собой довольного жизнью человека, который всегда находит чему радоваться и нередко делится этим чувством с другими. Бест жил в той самой комфортной середине, о которой Мин мог только мечтать. Звучало безопасно, и ему самому хотелось оказаться там же. Это была одна из его самых больших тайн — потребность в ощущении безопасности. Но даже себе он позволял думать об этом лишь в крайних случаях.

Мин собирался подойти к Бесту, как вдруг кто-то врезался в его плечо. От неожиданности он покачнулся и выронил сумку. Утро не предназначалось для таких внезапных контактов с кем-либо и, обернувшись, Мин раздраженно воскликнул:

— Осторожнее!

Какой-то парень суетливо подбирал с асфальта книги и разлетевшиеся документы. И хотя плечо ныло, а после рез-

кого столкновения головная боль ударила с новой силой, Мин поднял свою сумку и несколько чужих листов рядом с ней.

Незнакомец выпрямился. Он был ниже Мина, да и по комплекции мельче. Несмотря на обязательную форму, на голове парня царил розовый беспредел, а в ушах виднелись длинные серьги с клипсами. Он выглядел так, будто только что окончил школу и наконец сотворил со своей внешностью все, что раньше запрещалось¹. Может, один из тех бедолаг, кто ночи напролет испытывают удачу на кастингах в лакорны² в надежде стать звездой? Однако мельком взглянув на бумаги, Мин сразу признал ошибочность этих выводов: медицинские записи он мог отличить от любых других даже с закрытыми глазами. Любимое чтиво отца.

— Извините, — незнакомец поднял голову и сложил руки в поспешном вай³. — И спасибо, — после чего выхватил у него бумажки и быстро зашагал в сторону медицинского факультета.

Доктор.

Вернее тот, кто намеревался им стать.

Почти все студенты-медики выглядели по-другому: вечно ходили с заумным выражением лица и заносчивым видом повелителей мира. Мин повидал множество таких типов. И знал, что через несколько лет даже самые легкомысленные из них превратятся в сгорбленных от изнурительных смен угрюмых мужчин и женщин и навсегда обзаведутся морщиной на лбу, бесконечно пытаясь спасти чью-то жизнь и полностью забыв своих близких.

¹ В тайских школах ученики не только носят обязательную форму, им также запрещено красить волосы и иметь татуировки на любой части тела.

² Лакорн — многосерийная кинолента или сериал, снятый в Таиланде.

³ Вай — традиционное приветствие в Таиланде, выражающее также благодарность и почтение к старшим. Представляет собой поклон головой со сложенными ладонями на уровне груди.

А Мин не был готов спасать чужие жизни. Он и свою реанимировать не мог.

Но за несколько невольно уделенных незнакомцу секунд Мин не заметил в нем ожидаемых черт. Вопреки очевидным попыткам выглядеть круто, парень создавал простодушное впечатление из-за своей миловидности. Но что еще важнее, от него исходила легкость, которая обычно напрочь отсутствовала у студентов одной из самых сложных и ответственных специальностей. Будущие докторишки и медсестры всегда что-то зубрили и куда-то спешили.

— Ты чего застрял? — услышал он Беста, который уже успел подойти к нему сам.

Оборвав спонтанный поток мыслей об аляповатом недоразумении, желающем почему-то стать врачом, Мин вернулся в реальность.

— Это определенно не мой день. С самого утра сбивают с ног, — проворчал он.

— Дружище, больше радости, — весело заметил Бест. — Мы притягиваем то, в чем нуждаемся.

— Тогда где моя кровать и новая личность?

Они дошли до нужной аудитории, когда Бест закинул ему на плечи руку, притягивая ближе.

— Может, на самом деле тебе нужно совсем не это?

Мин небрежно сбросил руку друга, усмехнувшись его вере во всякую чушь, особенно в судьбу и рок.

— Ага, прямо сейчас я горю желанием, чтобы ты заткнулся.

Утренние перебранки давно стали привычным элементом их взаимоотношений, и ему нравилось размеренное чувство нормы, которое дарил друг. Мин не показывал, что значение Беста в его жизни куда больше, чем тот мог подумать, и признаваться ему в этом не планировал.

Они уселись на свободные места в аудитории, и, ожидая лектора, Бест уткнулся в телефон, а Мин прикрыл глаза, погру-

жаясь в дремоту. Но вместо темноты перед глазами возникла розовая макушка.

Черт, и как только парень мог выбрать такой до ужаса вульгарный цвет?

* * *

Несколько раз в неделю после учебы Мин захаживал в бар, открытый знакомой детства — Марой. Она была на два года младше него и еще одним отпрыском состоятельной семьи. Их история началась с того, что в детстве они провели вместе лето за границей, куда их отправили для изучения иностранных языков. Там ему приказали следить за девочкой и во всем ей помогать. После возвращения в Бангкок они не пересекались несколько лет, пока случайно не встретились вновь и не возобновили общение, уже без принуждения старших.

Дочь в семье известного дизайнера, любимица матери — Мара спокойно творила все, что пожелает, не ожидая ничего одобрения. Теперь ей уже не требовалось, чтобы за ней кто-то приглядывал. Она выросла бунтаркой, любящей нарушать правила, и именно это влекло к ней людей.

Мир Мина в рамках университета отличался от того, что творилось за его пределами. Мара и Бест были полными противоположностями, и у него никогда не возникало даже мысли их познакомить, соединить эти два начала в одно. Бест знал лишь, что он балуется игрой на барабанах в заведении знакомой, что было правдой, но только частично.

В действительности Мин играл не только на барабанах. Он играл с людьми.

Однажды знакомая Мары попросила ее об одолжении: помочь отомстить парню, который ей изменил. Но та решила собственноручно принять участие в вендетте: соблазнила беднягу, завязала с ним отношения и после признания в любви — унизительно бросила на глазах его друзей. Впоследствии в ее

извращенном мозгу появилась идея не просто продавать выпивку в только что открывшемся баре, но и устраивать своего рода азартную игру. В итоге получалось, что, с одной стороны, она нарушала все правила приличия и морали, а с другой — помогала «обездоленным».

Мин зарабатывал в заведении подруги благодаря участию в этом позорном деянии, хотя нужды в деньгах не испытывал. Временами он сам не понимал для чего делает это: встречается с богатыми девушками, а потом бросает их, тем самым помогая Маре в ее маленьком бизнесе.

Мара знала, что он не станет привязываться к клиентам. Даже если бы и захотел, просто не смог бы. Конечно, отдельные девушки вызывали симпатию, иногда теплоту, и все же это было настолько мимолетно, что едва наступало решающее время, он без сожаления заканчивал с очередной «целью».

Собственное поведение одновременно отвращало и удовлетворяло. Ему нравилось, что он мог управлять чьей-то жизнью, как управляли его. Это была своего рода месть отцу за то, что лишил его выбора. Но всегда... после каждой финальной точки в игре наступало мгновение, когда он ненавидел то, что делает. Все казалось жалким, бессмысленным. Почему он не мог быть как Бест: наслаждаться тем, что есть, завести нормальные отношения и пытаться стать лучше?

— Нана уже ждет тебя, — сообщила Мара, стояло Мину только зайти. Она сидела за стойкой и потягивала что-то из стакана.

— Тогда пусть подождет еще несколько минут, — он присел на соседний барный стул. — Пьешь так рано?

Обычно его не волновало, что делают другие, однако Мара была не чужой, поэтому подобие заботы проскользнуло в его словах.

Бесту не требовались его наставления — тот был прилежным мальчиком, поэтому такое он мог говорить лишь Маре. Уж ее «хорошей девочкой» назвал бы только слепой

дурак, не знающий ни капли правды об этом хрупком с виду создании. С детства Мару окружал мир моды, поэтому она всегда одевалась к месту и случаю. Она обладала тонкими чертами лица, загадочным взглядом, которым умело пользовалась и в образе праведницы, и в образе фам фаталь¹, изящными кистями, четко обрисованными ключицами, словно натурщица на старинных полотнах, и уверенными жестами. Все в ней было симметрично и гладко — от тонких бровей до угольного цвета волос, спадающих прямыми прядями до самых плеч, что еще больше выделяло росчерк ключиц, когда она соизволяла их открыть. Однако в темных глазах читалась необузданность. Маре всегда чего-то не хватало, и она все продолжала искать, не придавая значения морали и приличиям. В ней бурлила ненависть к ограничениям. Правила и законы писались, чтобы такие, как она, их нарушали.

— Какая забота. Я польщена, Вонграт, — Мин ненавидел ее привычку называть его по фамилии, от которой так хотелось сбежать. Как бы он ни старался, эта стерва все равно проносила ее, смакуя ярость на его лице. — Но это всего лишь вода. Я не самоубийца, чтобы повторить вчерашнее безумие и сегодня.

— Ты, как всегда, крайне щепетильна.

Девушка прижалась лбом к ладони, облокотившись на стойку, и с усмешкой посмотрела на него.

— Тебе желаю того же. Забота о себе — лучшее, на что можно потратить время, деньги и усилия. Люди, заботящиеся о себе сами, автоматически выигрывают у тех, кто ждет заботы от других, — сказала Мара в привычной самодовольной манере.

¹ Le femme fatale — французское выражение, обозначающее очаровательную соблазнительницу, связь с которой может иметь роковые последствия.

— Кто сказал, что я не забочусь о себе?

— Твои глаза. Не иметь цели — куда больший способ пренебрегать своей жизнью, чем может показаться.

Мин не знал, что на нее нашло. Ему не требовались нотации, особенно от этой торгашки. Она буквально торговала любовью других, а сейчас взывала к высокопарным дискуссиям.

— Готовь мои проценты, сегодня заканчиваем игру, — резко пресек он разговор, направившись к своей «девушке».

Нана была наполовину американкой, и только корни по матери связывали ее с Таиландом. Она приехала сюда во второй раз в жизни, но язык знала неплохо, а при необходимости они общались на английском. Наследница семейства Напатов оказалась сложной добычей, оттого куда увлекательнее предыдущих. На нее Мин потратил последние два месяца, хотя раньше за такой срок мог управиться с двумя-тремя девушками.

Мара сама приводила заказанных личностей в свое заведение: в этом ей помогал широкий круг знакомств. Он же привлекал их внимание и заполучал сначала время, после — чувства, а при желании — тело. Хотя последним пользовался не так часто, как мог бы. Мин сам не знал, откуда в нем это взялось, но он был достаточно разборчив в связях.

Его отношение к сексу разнилось от большинства сверстников. Столь интимный процесс Мин был не готов разделить с любой, пусть даже самой привлекательной девушкой. С парнем тем более, хотя подобное в стране, где он вырос, почти так же в порядке вещей. Было неприятно думать, что еще неделю назад руки, обвивавшие его, обнимали кого-то еще, рот заглатывал чужие выделения, а тело терлось о другие тела. И дело не в ревности, а в брезгливости. Чаще всего ему было просто противно.

Однако Нана выделялась по всем параметрам: красивая и статная, не обделена умом, знает себе цену, наслаждается своими возможностями и умеет хорошо проводить время. С большой вероятностью с одной из подобных девушек он в будущем должен связать жизнь. Но, к сожалению, у них